

УДК 130.2

Байрачная Л. К.

КОНСТИТУЦИОННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ

Статья посвящена осмыслению эволюции и соотношения понятий конституционной стабильности и легитимности правового поля. Предпринята попытка доказать, что легитимация правового поля, государственно-властной деятельности обеспечивается прежде всего реальными общественными отношениями, составляющими в своей совокупности конституционный строй.

Ключевые слова: конституционная стабильность, легитимность, легитимация международного порядка, легитимация правового поля.

Стаття присвячена осмисленню еволюції і співвідношення понять конституційної стабільності та легітимності правового поля. Зроблено спробу довести, що легітимация правового поля, державно-владної діяльності забезпечується насамперед реальними суспільними відносинами, що складають у своїй сукупності конституційний лад.

Ключові слова: конституційна стабільність, легітимність, легітимация міжнародного порядку, легітимация правового поля.

The article is devoted to understanding the evolution and the relationship between the concepts of constitutional stability and legitimacy of the legal field. An attempt was made to prove that the legitimacy of the legal framework, the power of state-provided first real public relations constituting in their totality constitutional order.

The keywords: constitutional stability, legitimacy, legitimacy of the international order, the legitimation of the legal field.

*«Легитимность подобна кудеснику,
беспрепятственно создающему
необходимый порядок с помощью доверия»,
«нелегитимность – это насилие, которое
повсеместно порождает насилие,
основанное на недоверии и страхе»
К. Ясперс*

Сложность изучения социальной реальности коренится в сложности самого объекта изучения. Французский философ Гастон Башляр часто повторял: «Простое — это не что иное, как упрощенное» [5, с. 176]. При этом он доказывал, что наука может развиваться, только подвергая сомнению простые идеи. Нам кажется, что подобное сомнение необходимо и в социально-правовых науках, где мы слишком легко удовлетворяемся очевидными представлениями, которые черпаем из обыденного опыта и хорошего знания научных традиций.

Категории, которые исследуются в представленной работе (конституционная стабильность, легитимность, легитимация международного порядка, легитимация

правового поля), являются предметом исследования не одно столетие, но изменяющиеся жизненные реалии, новые тенденции, противоречия между универсальными ценностями и эгоистическими интересами властвующей элиты, между идеей демократии и социально-политической практикой требуют дальнейшего изучения данных явлений.

Конституционная стабильность является, бесспорно, одной из наиболее популярных тем в политической (в т. ч. официальной) риторике Украины последних лет.

Однако рациональное использование понятия «конституционная стабильность» в научном анализе современного политического процесса не представляется возможным без предварительного ознакомления с распространенными в западной науке трактовками данного термина. Перечислим некоторые из них.

1. Прежде всего стабильность понимается как отсутствие в обществе реальной угрозы нелегитимного насилия или наличие у государства возможностей, позволяющих — в кризисной ситуации — справиться с ним. Конкретизируя данную трактовку, шотландский ученый Ф. Били определяет конституционную стабильность как способность политического организма к самосохранению в условиях, угрожающих «идентичности» общественной системы или самому ее существованию.

2. Конституционная стабильность интерпретируется и как функционирование одного правительства в течение некоторого продолжительного периода времени, предполагающее, соответственно, его умение успешно адаптироваться к меняющимся реалиям. Немецкий политолог Э. Циммерман определяет правительственную стабильность именно как способность политических администраторов управлять все более эффективно по мере увеличения их срока нахождения у власти. Он выделяет несколько закономерностей, связанных с достижением стабильности такого рода:

— срок нахождения у власти правительства обратно пропорционален числу партий в парламенте и прямо пропорционален количеству мест, занятых проправительственными партиями;

— однопартийное правительство имеет больше шансов задержаться у власти, чем коалиционное;

— наличие фракций в составе правительства понижает его шансы на сохранение у власти;

— чем сильнее раздробленность сил в парламенте (включая оппозицию), тем вероятнее неприкосновенность состава правительства;

— чем больше мест в парламенте имеют оппозиционные антисистемные силы, тем меньше вероятность длительного существования правительства [15, с. 57].

3. Конституционная стабильность как отсутствие структурных изменений в политической системе или как наличие способности управлять ими. Иными словами, в конституционно стабильной системе либо политический процесс не приводит к радикальным переменам, либо — если таковые перемены все-таки наблюдаются — они подчинены стратегии, заранее разработанной правящей элитой.

4. Рассмотренный выше подход близок интерпретации стабильности как баланса (равновесия) политических сил. Сама идея баланса сил проистекала из восходящей

еще к началу Нового времени концепции общества как гигантского механизма, состоящего из нескольких автономных единиц. Впоследствии эта идея наложилась уже на консервативное понимание общества, согласно которому оно пребывает в состоянии «естественной гармонии».

5. Стабильность интерпретируется также как модель поведения и общественный атрибут. В этом случае она приравнивается к тому положению в обществе, при котором его члены ограничивают себя социально приемлемым поведением, понимая, что любые отклонения от этих норм чреваты дестабилизацией.

6. Конституционная стабильность как следствие легитимности власти. Различные группы ученых трактуют легитимность по-разному, видят неодинаковые источники легитимности власти. Сегодня многие исследователи предпочитают говорить уже не о легитимности, а о поддержке населением данной политической системы и её фундаментальных ценностей [14]. Но даже отвлекаясь от трудностей интерпретации самой легитимности, трудно спорить с тем, что власть, ею обладающая, может стабилизировать систему, только если она при этом еще и эффективно управляет страной.

Конституционная стабильность в литературе на постсоветском пространстве понимается как: а) система связей между разными политическими субъектами, характеризующаяся определенной целостностью и эффективностью функционирования самой системы; б) упорядоченные процессы в политике, противоречивость и конфликтность которых регулируются с помощью политических институтов; в) согласие основных социальных и политических сил по поводу целей и методов общественного развития; г) состояние политической жизни общества, проявляющееся в устойчивом функционировании всех имеющихся в обществе политических институтов, связанное с сохранением и совершенствованием структур, с качественной их определенностью; д) совокупность политических процессов, обеспечивающих бытие и развитие политических субъектов в политической системе [2; 3; 6; 7].

Даже краткий обзор подходов к пониманию конституционной стабильности позволяет утверждать, что это многомерное явление, вбирающее в себя такие характеристики, как сохранение системы правления, гражданского порядка, легитимности и надежности управления. Категория устойчивости (стабильности) выступает одновременно в качестве характеристики, цели и гарантии основ конституционного строя.

На наш взгляд, проблема конституционной стабильности значительно усложняется в том случае, если речь идет не просто о поддержании в общественно-политической сфере баланса сил и интересов, но и о сохранении всех основ демократической системы. Если бы целью была просто стабильная власть, то ее можно было бы достигнуть, предоставив возможность одному элементу системы подавить все остальные. Демократия же исключает такую ситуацию, когда какой-либо политический институт (партия, группа и т. д.) обретает абсолютное преимущество над оппонентами. Участники политического процесса при демократии должны располагать силой, достаточной для защиты своих интересов, но

недостаточной для монополизации власти. Для этого необходимо сохранение системой своих институтов, ролей и ценностей при изменяющихся условиях социальной среды, осуществление ею своих основных функций. Стабильность, устойчивость системы – это такое состояние, когда любые отклонения в действии политических субъектов корректируются реализацией установленных, легитимированных норм.

Таким образом, конституционная стабильность (порядок) является принципиальным условием не только безопасного существования личности и государства, но и их прогрессивного развития. Отсутствие порядка увеличивает в сфере политики возможность проявления чисто случайных факторов и мотивов поведения, снижает уровень защищенности личности, девальвирует авторитет государства, крайне отрицательно влияет на его стабильность и политическую лояльность граждан.

По нашему глубокому убеждению, одним из ключевых элементов конституционной стабильности и функционирования политической власти является легитимность.

Понятие легитимности вошло в политический оборот в XVII веке. Дж. Локк в «Трактатах о государственном правлении» (1690) подверг критике идею божественного происхождения власти короля и вытекавший отсюда тезис о ее абсолютном характере [10]. Дж. Локк доказывал, что государство создано не Богом, но человеком для защиты его неотъемлемых прав (жизни, свободы, собственности) и его интересов. Люди организуют государство и участвуют в нем добровольно и согласно их представлениям. Поэтому источником политической власти является в конечном счете народ. Монарх же черпает легитимность своего правления в согласии управляемых с ним и его властью. Иными словами, монарх, правитель законны, легитимны лишь в той мере, в какой народ признает их самих, а также их в этой роли. Правительство не имеет права действовать произвольно, оно обязано подчиняться «естественным» законам, не им созданным; отсюда локковская теория разделения властей. Народ – суверен и имеет право свергать безответственное правительство. Но и сопротивление власти должно также ограничиваться разумными пределами (обратим внимание на это повторяющееся обращение к разуму и здравому смыслу).

Выбор самого термина «легитимность» не случаен: в английском языке и праве того времени и поныне *legitimasu* означает «законнорожденность», наличие законного родителя, а также деяние и/или приобретение, основанные на праве прямого наследства. Естественно, что в концепции Дж. Локка легитимность имеет нравственный и философский (точнее, рационально-когнитивный) смысл. Политико-правовые оформление этой концепции и смысл понятия «легитимность» возникнут лишь по итогам Американской (1776) и Великой французской (1789) революций, а международным содержанием наполнятся в «доктрине Монро» (1823) и процессе ее реализации [4].

В «доктрине Монро» источником легитимности выступает интерес, но особый: легитимный интерес внутренне легитимного субъекта международных отношений, искренне – пусть не всегда бескорыстно – озабоченного тем, чтобы и другие народы

получили такие же возможности для осуществления их собственного суверенитета в условиях политических свобод и демократии.

В тех случаях, когда попытки легитимации международного порядка и создаваемых в его рамках институций предпринимались (система Вестфальского договора, Венский конгресс и Священный союз XIX века, версальско-вашигтонская система и Лига Наций, ялтинско-потсдамская и ООН), успех бывал относительным и временным: ни мировой порядок, ни его институты не создавали и не обретали какой-либо универсальной легитимности. Отстаиваемые ими нормы, правила и процедуры всякий раз оказывались не в состоянии регулировать без изъятий весь комплекс международных отношений эпохи. В первооснове этой неспособности лежал тот факт, что каждый из сменявших друг друга миропорядков создавался против кого-либо, а значит, не принимал какую-то часть государств, иных субъектов международных отношений в свое поле. Такое положение следует, видимо, признать естественным и неизбежным: если в международной среде изначально отсутствует внутреннее признание ее единства, для универсальной легитимности просто нет оснований.

Но регулирование невозможно помимо институтов, механизмов, процедур его осуществления, что поднимает вопрос о правовой основе такой практики во всех ее составляющих: на каких основаниях создаются необходимые институции, откуда черпают они полномочия, кем и как определяются цели их деятельности и критерии оценки результатов, решается применение санкций к нарушителям и/или оппонентам процесса регулирования как такового? Основная политическая причина спроса глобализации на легитимность связана, несомненно, с проблемами взаимосвязи глобальной, международной и национальной безопасности, и в этом контексте – с проблемой так называемых «недееспособных государств» (failed states). Глобализация востребует страны конкурентно и дееспособные, внутренне стабильные, не коррумпированные, а ради всего этого – демократические. «Failed» оказываются государства, не просто не соответствующие названным требованиям и критериям, но и не способные им отвечать по причинам раздробленности ограниченных ресурсов страны между соперничающими кланами и группировками элиты, предельного эгоизма локальных элит, их неподконтрольности обществу, безответственности перед своей страной и международным сообществом и готовности использовать любые, в том числе крайние средства внутриэлитной борьбы. Такие государства отличаются имманентной нестабильностью, коррумпированностью госаппарата, социальной и политической культур, низким уровнем жизни основной части населения и отсутствием у нее позитивных жизненных перспектив. Поэтому они нередко оказываются жертвами предельно жестоких диктатур либо служат благоприятной почвой для действий на их территориях всевозможных полулегальных, нелегальных и криминальных организаций разного толка. Подобные страны существовали всегда и еще недавно численно доминировали в мире, международных отношениях. Но в условиях глобализации они становятся угрозой глобальной и международной безопасности, поскольку могут легко превращаться в источник и арену конфликтов, быть объектами манипуляции и/или удобной базой для международных терроризма и

преступности.

«Техническое» решение проблемы кажется привлекательно простым: сменить преступный или нравственно неполноценный режим на нечто демократическое и тем самым положить начало созданию в стране предпосылок и условий для достойного развития. Оставляя в стороне практические сложности и риски такого решения, подчеркнем два принципиально значимых обстоятельства.

Во-первых, любое решение упирается в проблему легитимности всего комплекса мер и средств его осуществления, в противном случае будут иметь место внутренняя гражданская война и/или агрессия извне, насилие и принуждение страны к определенному режиму и типу развития. То и другое плохо совместимо с безопасностью; в конечном счете создает проблем больше, чем решает; и прямо противоречит идеологическим взглядам и ценностям, выросшим за последние 300 лет на локковских идеях неотъемлемых прав личности и суверенитета народа.

Во-вторых, проблемы «недееспособных государств» и особенно «режимов-изгоев» оказываются одновременно и фактором проверки на дееспособность самой глобализации, и политически оптимальным «носителем» процесса построения глобального миропорядка. На политическом и нравственном основании борьбы с международным терроризмом, источниками его финансирования, опасности попадания в руки «стран-изгоев» и failed states оружия массового уничтожения, отмывания незаконных доходов и т. п. закладываются основы глобального миропорядка и его легитимности. Затем, спустя какое-то время и в случае успеха этого начинания, будущий глобальный миропорядок сможет (если сможет) функционировать как полноценное средство и институт глобального управления.

В конце XX – начале XXI века режимы, не пользующиеся в мире доверием и симпатиями или вызывающие (притом обоснованно) противоположные чувства и оценки, принято вначале представлять «нелегитимными». Лишь после такой долгой политической и пропагандистской подготовки приоткрывается путь к их смещению – штыками или розами, как придется. Режимы, запятнавшие себя кровью народа, международными преступлениями, доказавшие (иногда не раз) способность и готовность не руководствоваться «химерой совести», сочувствия не заслуживают. Казалось бы, слава тем, кто, обладая могуществом и возможностями, берет на себя труд и риск по устранению таких режимов. Однако международное право не знает пока норм и положений, которые давали бы отдельным державам или даже международному сообществу в целом основания решать по собственному разумению судьбу правящих режимов, исторически сложившихся в тех или иных государствах. До сих пор такое право присваивалось себе (в международных отношениях) лишь победителями в очередной войне.

Глобализация одним из ее следствий имеет также неожиданный эффект: образование «теневых» экономики, политики, юстиции. В традиционной системе международных отношений никаких видов «тени» не могло быть по определению: «тень» возможна только под сенью закона или де-факто заменяющих его норм и правовых положений. Поэтому теневая экономика, едва она переходила границы «материнского» государства и попадала на международную арену, становилась для

внешнего мира частью законной международной торговли. Глобализация, стягивая мир в единое целое и насыщая его различными видами регулирования, неизбежно создает и расширяет зону «тени». Борьба же с последней (достаточно вспомнить усилия по предотвращению отмывания денег) требует легитимности всего комплекса средств и институтов противодействия незаконным оборотам чего бы то ни было.

Таким образом, не только гипотетическому глобальному миропорядку, но и процессу его создания с самых первых шагов остро необходима легитимность, притом в идеале такая, которую могли и должны были бы добровольно принять все народы, государства, культуры, конфессии, идеологии – иначе глобального порядка не получится. Теоретически выходов из этого затруднения может быть два, притом не исключających друг друга: разработать и принять желаемые нормы, принципы, процедуры в рамках международного права либо распространить на международные отношения принципы права внутреннего, исходя из того, что глобализация продвигает мироцелостность на новую ступень, политическая же глобализация экстраполируется в формирование глобального миропорядка и трансформацию межгосударственных отношений во внутриглобальные.

В том и другом случаях легитимности должна предшествовать политика, способная заложить основы законности будущего миропорядка; процесса, путей и средств его созидания и предстоящего функционирования. Ставки велики: неудача грозит обернуться глобальным кризисом легитимности, отбросить международную жизнь в состояние «дикого поля» с его локальными произволами.

Решающим рычагом легитимности, дееспособной власти, ее силы и авторитетности выступает право. Если нет правозаконности как самостоятельного механизма и регулятора общественной и личной жизни, проявляется отчужденность власти и народа, нелегитимность отношений между ними, создается поле безнаказанности, противозаконных действий властей, и все это порождает правовой нигилизм у граждан. В подобной ситуации невозможно добиться осознанной мотивировки деятельности людей, поскольку они несвободны, смяты властью. А всеобщее незаконопослушание может привести к процессу десоциализации общества и государства, который иногда ведет к революциям и распаду старой политической системы. Классическими примерами подобных политических катаклизмов являются революция 1789 года во Франции, события 1917 года в России или деградация, а затем и распад государственности в Сомали, разорванной в ходе гражданской войны на части враждующими кланами.

Как нам кажется, убеждение во взаимообусловленности прав человека и идеи демократии позволяет прояснить кое-что в современных политических дискуссиях.

Известно, что представители многих незападных стран высказывают недовольство политикой, которую они называют «империализмом прав человека» со стороны западных стран. Запад обычно говорит об универсальности, всеобщности прав человека, на что представители незападных культур могут ответить тезисом республиканизма, что права человека есть выражение ценностей определенной культурной традиции – западной. В Китае, например, нет даже адекватного перевода выражения «права человека», оно передается примерно как «авторитет человека».

Тезис об универсальности прав человека, с такой точки зрения, есть выражение западоцентризма [1].

Но более убедительным является тезис: права человека – условие конституирования демократии. Если вы заявляете, что являетесь демократическим обществом, то у вас должно быть гарантировано соблюдение прав человека. Если этого нет, тогда характеристика своего общества как демократического есть самообман.

Проблема легитимности – это в значительной мере проблема участия общества в управлении государством. Неспособность системы обеспечить такое участие подрывает её легитимность.

Признаками падения легитимности власти являются: а) рост степени принуждения; б) ограничение прав и свобод; в) запрещение политических партий и независимой прессы; г) рост коррумпированности всех институтов власти, сращение с криминальными структурами; д) низкая экономическая эффективность власти (понижение уровня жизни различных групп населения). Крайней точкой падения легитимности власти являются революция, государственные перевороты – открытые формы недовольства режимом. Решить подобную ситуацию возможно лишь при помощи права, причем права, которое воспринимается массами как легитимное.

Как отмечает Н. А. Бусова, легитимность правовых норм становится проблемой при переходе от традиционного общества к современному. В традиционном обществе нормы, регулирующие поведение людей, имели оправдание во всеохватывающем религиозном мировоззрении, защищенном от критики. При переходе к современному обществу единое религиозное мировоззрение распадается, происходит плюрализация религиозных верований, воззрений.

В Европе этот процесс начался после религиозных войн XVI – XVII веков, когда стала утверждаться веротерпимость. Кроме того, проявлением модернизации было разволшебствление мира, по выражению Макса Вебера, то есть секуляризация культуры, общественных институтов. Разволшебствление мира шло рука об руку с рационализацией всех форм жизни. Девиз Нового времени: организация жизни как индивидуальной, так и общественной, не на основе священного авторитета или традиции, а на основе разума [1].

Как это отразилось на праве? Модернизация ведет к позитивации права: право воспринимается как позитивное право, то есть не как предустановленный неизменный божественный закон, который человек может лишь открывать для себя, а как созданное несовершенными, способными ошибаться людьми, как человеческое установление (*positio* по латыни и означает «установление», «утверждение»).

Тут и возникает вопрос: что служит основанием легитимности правил, которые могут быть изменены в любой момент политическим законодателем? Два влиятельных течения в социальной и политической мысли отвечают на это по-разному.

Классический либерализм, восходящий к Локку, считает, что легитимность законов определяется тем, насколько они защищают индивидуальные свободы, часто рассматриваемые в терминах прав человека.

Гражданский республиканизм, идущий от Аристотеля, центральное место отводит демократическому процессу как коллективному обсуждению, которое, по крайней мере в идеале, ведет граждан к согласию относительно того, что является их общим благом. Легитимность закона определяется в понятиях «народного суверенитета», т. е. с точки зрения того, насколько они могут рассматриваться как выражение воли народа.

Между этими подходами существует определенное напряжение. Либералы испытывают недоверие к идее демократии, боязнь тирании большинства. Отсюда их стремление поставить права человека вне суверенной воли политического законодателя. Права человека – это то, что предшествует воле законодателя, ставит ей предел, они защищают дополитические свободы индивида, т. е. такие свободы, которые не предоставлены ему законодателем, а являются естественными, морально обоснованными правами. Они имеют универсальный, всеобщий характер, значимы независимо от культуры, традиций народа. Их следует рассматривать как критерий легитимности любого правового порядка.

Республиканцы же утверждают, что сами права человека – это выражение определенной культурно-исторической традиции, они укоренены в определенной, а именно западной форме жизни. Их нельзя рассматривать как критерий легитимности правовых систем, порожденных иными формами жизни. Критерий легитимности – демократическая идея самоопределения, т. е. насколько правовой порядок можно рассматривать как выражение самоорганизации свободных и равных граждан, которые сообща вырабатывают правила совместной жизни [1].

Итак, сложились два классических подхода: легитимация через права человека и легитимация через народный суверенитет. Но в последнее время появился третий подход. Он разрабатывается сторонниками дискурсивной теории права, которая сформировалась в рамках коммуникативной теории общества Ю. Хабермаса. Наиболее полное изложение дискурсивной теории права и демократии представлено в книге Ю. Хабермаса «Фактичность и значимость» (1992).

Хабермас исходит из взаимосвязи, взаимообусловленности этих двух моментов: прав человека и идеи демократии, идеи народного суверенитета [11; 12]. Согласно Хабермасу, в основе теории права лежит представление о праве как о механизме достижения социальной интеграции, совокупности процедур для реализации политического участия и подчинения власти демократическим целям [11, р. 154]. Правовая система рассматривается Хабермасом в качестве опосредующего звена между социальными подсистемами и жизненным миром, преобразующего их послания, поскольку только посредством права нормативные послания относительно прав и обязанностей могут циркулировать во всем обществе [11, р. 136].

Процесс модернизации, подрывающий традиционные формы власти, одновременно ускоряет правовое развитие. Но противоречивость процесса модернизации состоит в том, что власть должна во все большей степени доказывать собственную легитимность в глазах общественности, а граждане должны быть убеждены в признании легитимности власти, требование всеобщего признания претензии на легитимность становится все более явным.

Сохранение и воспроизводство социального порядка сопровождаются возрастающими нормативными ожиданиями относительно демократических принципов подотчетности власти и самоуправления. Правовая система в целом является легитимной, если она гарантирует равное отношение ко всем гражданам и их равное право участвовать в процессе законотворчества. Другими словами, коммуникативные предпосылки легитимности права должны быть институционализированы в виде политических гражданских прав.

Претензия на легитимность правовых норм предполагает политическую автономию граждан. Но роль гражданина как политически автономного субъекта возможна, если он в достаточной мере независим на основе равномерного обеспечения частной автономии [8, с.411]. Частная автономия – это способность индивида осуществлять свободный рациональный выбор по своему желанию, преследуя свои личные цели в рамках охраняемых законом границ. Это частное использование индивидуальных свобод. Публичная автономия – это совместно используемая автономия граждан, когда свободные и равные граждане сообща вырабатывают нормы совместной жизни, которые они считают обязательными для себя в силу их рациональной обоснованности.

Граждане являются авторами закона, которому они подчиняются как его адресаты. На этом основана легитимность правового порядка. Тем самым, частная и политическая автономии взаимно друг друга предполагают и дополняют. Согласно Хабермасу, существует «внутренняя взаимосвязь, а не простое случайное историческое совпадение, между правлением закона и демократией» [8, с. 137], принципы и структуры правового государства он определяет как механизм институционализации политического дискурса общественности. *Хабермас понимает под дискурсом аргументированное обсуждение. Дискурс – это рефлексивная форма коммуникативного действия, направленного на достижение взаимопонимания относительно чего-либо. Участники дискурса свободно, без каких-либо ограничений высказывают свои мнения относительно обсуждаемого вопроса. Свои суждения они подкрепляют аргументами. Склонить на свою позицию других участников они могут только с помощью лучшего аргумента.* Социальная интеграция посредством права не будет восприниматься как репрессивная, основанная лишь на угрозе принудительных санкций, если само право способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами.

На наш взгляд, Хабермас абсолютно прав, утверждая, что легитимность – показатель доверия и уважения к власти со стороны подчиненных. Таким образом, легитимность не сводится к юридической оформленности или способности власти эффективно пользоваться ресурсами насилия. В истории нередки случаи, когда распад могучих политических образований начинался с утраты доверия к власти. И, наоборот, даже при дефиците ресурсов принуждения, безусловное признание гражданами права власти на отдачу приказов, выводило общество из кризиса. «Легитимность подобна кудеснику, беспрепятственно создающему необходимый порядок с помощью доверия, – отмечал немецкий философ К. Ясперс. – Нелегитимность – это насилие, которое повсеместно порождает насилие, основанное

на недоверии и страхе» [9, с. 172].

Важнейшая ключевая проблема реализации норм – отношение людей к правовым нормам. Здесь можно говорить о трех возможных вариантах. Первый, самый благоприятный вариант – когда граждане одобряют, поддерживают норму и охотно претворяют ее в жизнь. Второй, менее благоприятный вариант – когда граждане относятся к норме безразлично, норма – сама по себе, а поведение граждан – само по себе. Норма не проводится в жизнь, но и не нарушается, она игнорируется. Третий, самый неблагоприятный вариант – когда граждане настроены против нормы, они активно ей противостоят, а подчас и нарушают. В подобных, наиболее острых для общества ситуациях невыполнение нормы влечет за собой применение санкций со стороны государства. За этими вариантами скрыта проблема поддержки гражданами власти, проблема легитимности закона, легитимации правового поля.

Если видеть в праве и законах средство подавления и насилия, средство классового господства, то, естественно, ни о какой легитимности не может быть и речи. Легитимны могут быть только законы, воплощающие основные начала права: социальное согласие, общественный компромисс, проводящие идеи социальной справедливости. Только изменив представления о праве и содержании законов, можно ждать того, что законы будут правовыми и получат поддержку людей, обретут легитимность.

Проблема не имеет простого и однозначного решения. Если основная идея права и социальной справедливости – идея общественного согласия и социального компромисса – будет проведена в законах, есть, с точки зрения теории, основания считать такие законы правовыми. Но компромисс по самой своей природе не может удовлетворить всех, всегда остаются недовольные сторонники крайностей. Поэтому полной легитимности компромисс, воплощенный в законе, дать не может. Легитимным можно и нужно считать закон, обеспечивающий интересы большинства. Это очень важный, принципиальный момент. Легитимность и большинство не разрывны. Вот почему общий уровень политической и правовой культуры людей влияет на легитимность закона в не меньшей степени, чем содержание самого закона. Возможно и такое, когда, с точки зрения правовой теории, с точки зрения юридической науки и профессионалов, закон удовлетворяет самым высоким правовым требованиям, но большинство общества его не воспринимает.

Примеров тому сколько угодно. Хотя бы тот же вопрос об отмене смертной казни в Украине: Украина отменила смертную казнь в 1999 году, но после каждого резонансного убийства в обществе с новой силой вспыхивает спор о ее необходимости. Или активное обсуждение законопроекта о запрете абортов по желанию женщины. (Соответствующий проект № 2646-1 внесла группа депутатов из фракции «Свобода» в лице Александра Сыча, Руслана Зелика и Руслана Марцинкива.) Идея свободовцев далеко не нова, и в прошлом, 2012 году обсуждение подобного законопроекта, внесенного депутатом от БЮТ Андреем Шкилем, потерпело фиаско (притом что в нем были прописаны гораздо более мягкие условия).

В этом смысле правовой характер закона обуславливается общим уровнем правосознания. Вот почему наше движение к правовому государству, к правовым

законам должно идти как по линии повышения качества законов и профессионализма законодателей, так и по линии повышения общей политической и правовой культуры общества. Достижение легитимности, реализуемости закона возможно по мере сочетания обеих линий развития.

И как это не парадоксально, именно сочетание содержания закона, его правового характера, с одной стороны, и легитимности закона, его поддержки людьми, с другой, порождает противоречие. Закон, отвечающий высоким требованиям права, может не поддерживаться большинством, которое само эти требования не разделяет. Правовой закон может быть не легитимен. И наоборот, те идеи, которые поддерживает большинство, сплошь и рядом оказываются не правовыми. Противоречие это естественное, оно отражает дифференциацию общества, противоречивую природу демократии. Можно думать, что окончательного решения проблема не получит и в обозримом будущем, во всяком случае до тех пор, пока мы будем исповедовать принцип «большинство всегда право». Но и отказаться от данного принципа нельзя, ибо это – один из устоев демократии. Главной задачей здесь является постепенное сближение крайностей, повышение общей правовой культуры населения и профессионализма законодателя.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что обеспечение конституционной стабильности и легитимация правового поля – явления тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные. С одной стороны, легитимация правового поля является обязательным условием стабильности конституционного строя, поскольку предполагает безусловную ориентацию на базовые общественные ценности, которые обуславливают сущность конституционного строя. С другой стороны, конституционным может считаться только государство, деятельность которого ограничивают четко определенные нормы и процедуры, которое обеспечивает практическую реализацию основных прав и свобод личности, где прослеживается взаимообусловленность прав человека и идеи демократии. То есть легитимация правового поля, государственно-властной деятельности обеспечивается прежде всего реальными общественными отношениями, составляющими в своей совокупности конституционный строй.

Данная работа позволила совершить лишь краткий экскурс в проблему соотношения понятий «конституционная стабильность» – «легитимность» – «легитимация правового поля», многие аспекты этого многопланового соотношения остались за рамками данного исследования или получили фрагментарное отображение, но даже рассмотренное позволяет сделать вывод о необходимости создания современной теории соотношения конституционной стабильности и легитимности, которая позволит исчерпывающе анализировать процессы, происходящие как на постсоветском пространстве, так и в современном мире в целом.

И несмотря на то что к началу XXI века человечество накопило определенный теоретический и практический опыт решения проблем обеспечения конституционной стабильности, каждому государству и мировому сообществу в целом необходимо выработать свой вариант решения этих задач, причем такой, который не только соответствует переживаемому этапу, но одновременно устремлен в перспективу.

Литература:

1. *Бусова Н. А.* Проблема легитимации правового порядка [Электронный ресурс] / Н. А. Бусова // Практична філософія та правовий порядок : зб. наук. статей / під ред. О. М. Кривуля. – Режим доступу : <http://ukrkniga.org.ua/ukrkniga-text/727/30/>. – Назва з екрану.
2. *Вениславский Ф. И.* Правовое ограничение государственной власти как необходимое условие конституционной стабильности [Электронный ресурс] / Ф. И. Вениславский. – Режим доступа : <http://www.zakon.kz/207844-pravovoe-ogranichenie-gosudarstvennoj.html>. – Загл. с экрана.
3. *Колодій А. М.* Конституція і розвиток принципів права України (методологічні питання) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 ; 12.00.02 / А. М. Колодій ; Київ. ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 1999. – 36 с.
4. *Косолапов Н. А.* Легитимность в международных отношениях: эволюция и современное состояние проблемы [Электронный ресурс] / Н. А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 2. – Режим доступа : www.abkhaziya.org. – Загл. с экрана.
5. *Кузнецов В. Н.* Французская буржуазная философия 20 в. / В. Н. Кузнецов. – М. : Госюриздат, 1970. – 176 с.
6. *Нурмагамбетов Р. Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. Г. Нурмагамбетов. – Челябинск, 2006. – 26 с.
7. *Тодыка Ю. Н.* Основы конституционного строя Украины : учеб. Пособие / Ю. н. Тодыка. – Х. : Факт, 1999. – С. 90–104.
8. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – 411 с.
9. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Знание, 1994. – 172 с.
10. *Locke, John.* Two Treatises on Government / *John Locke*. – Cambridge, Eng., 1960.
11. *Habermas J.* Postscript to Between Facts and Norms / J. Habermas // M. Deflem (ed). Habermas, modernity and law. – L., 1996. – P. 136–137.
12. *Habermas J.* Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas. – Cambridge, 1996. – P. 3.
13. *Simon J.* Between power and knowledge: Habermas, Foucault and the future of legal studies / J. Simon // R. Cotterrell (ed). Sociological perspectives on law. – Aldershot, 2001. – Vol. 1. – Pp. 417, 420–421.
14. *Zimmerman E.* Government Stability in Six European Countries During the World Economic Crisis of the 1930s: Some Preliminary Considerations / E. Zimmerman // European Journal of Political Research. – 1987. – № 1. – Vol. 15.
15. *Zaller J.* The Nature and origins of mass opinion / J. Zaller. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 57.